

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Автобиография: социологическое воображение

Предисловие

В течение двадцати лет студенты-социологи I курса Киевского национального университета имени Тараса Шевченко пишут курсовую работу на тему “Автобиография: социологическое воображение”. Идея написания подобной работы студентами возникла из понимания того, что не следует ожидать от первокурсников создания чего-то профессионально самостоятельно, без налета плагиата и компиляции. В то же время Учебно-квалификационная характеристика требовала подготовки курсовой работы по специальности. Поэтому я воспользовался идеей Р.Милза о “социологическом воображении”, которое должно быть свойственно социологам как творчески мыслящим исследователям, и предложил писать студентам курсовую работу о хорошо известном объекте — их собственной жизни. Эта работа завершала изучение учебного курса “Введение в специальность”, который я преподавал, и должна была показать профессиональный взгляд студентов на социализацию. Социологическое воображение — это аналитически осмысленное молодым человеком собственное “Я” в системе общественных отношений, свое место в микро- и макросреде человеческих отношений, формирующих его как персонафицированное общество и, одновременно, как его (общества) агента. Социологическое воображение, получающее отражение в автобиографии, — это и есть первая школа творческого самоанализа, формирующая мастерство и критическое мышление специалиста. Это мобилизует его эрудицию, усвоенный к концу года терминологический аппарат, литературный талант и особенно способность к объективным оценкам, к преодолению юношеского эгоцентризма, обычно проявляющегося в собственных жизнеописаниях.

Подавляющее большинство студентов относятся к такому заданию добросовестно, поскольку это первая попытка самоанализа собственной сущности и первая проба пера. Но хорошо выполнить его удается не всем. Примерно половина работ оцениваются на “удовлетворительно”, “отлично” получают всего 10–15%. Творчеству и профессионализму люди учатся не сразу и по-разному. Среди отлично написанных автобиографий в ракурсе социологического видения встречаются необычайно талантливые. В последние годы их стало больше благодаря переходу на независимое оценивание знаний выпускников школ, что позволило детям малообеспеченных родителей получать образование за государственный счет в престижных вузах. Работы таких студентов “лечат” от футурологического пессимизма, когда мы видим, что в стране есть когорта семнадцатилетних, понимающих причинно-следственные связи, способных адекватно оценивать противоречия общественной жизни, умеющих отличать зерна от плевел, которыми нас обильно засыпают политики и ангажированные СМИ. Одну из таких автобиографий мы предлагаем читателям практически без редактирования. Фамилию автора по понятным причинам не указываем.

ВЛАДИМИР ВОЛОВИЧ,

*доктор философских наук, профессор факультета социологии
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко*

КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

Курсовая работа на тему:
“Автобиография: социологическое воображение”

Выполнил:
Студент I курса
факультета социологии
N

Научный руководитель:
проф. Волович В.И.

Киев–2009

Введение

Когда я получил задание провести социологический анализ собственной биографии, передо мной встал вопрос о том, что именно интересует социолога при исследовании жизненного пути отдельного индивида? Историк поставил бы акцент на конкретных датах и фактах, особенно общественно важных по мнению исследователя, его работа была бы преимущественно описательной, он бы не пытался отыскать каузальные связи между событиями, предметом исследования историка были бы факты, а не связи между ними. Психолога интересовал бы человек как индивидуальность с его целостным индивидуализированным миром стремлений, мыслей, чувств и переживаний. Каким же будет подход социолога? Система социологического знания в основном имеет дело с анализом объективных закономерностей общественного развития, главный фокус интереса здесь — макроструктура общества, и прежде всего такие единицы анализа, как социальные институты, законы их функционирования и развития, структура общественных отношений, а значит, и социальная структура каждого конкретного типа общества. Разумеется, это не означает, что в социологии нет места проблемам личности, ведь человек — субстрат общественных отношений, без человека они были бы невозможны. Реализация законов общественного развития осуществляется только через деятельность людей. Понять механизмы функционирования законов общественного развития невозможно без анализа действий человека. Однако для исследования общества на макроуровне принципиально важным положением является то, что для понимания исторического процесса необходимо рассматривать личность как представителя определенной социальной группы. В.Ядов, учитывая специфику социологического интереса к личности, усматривает ее в том, что для социологии личность “важна не как индивидуальность, а как обезличенная лич-

ность, как деиндивидуализированная, деперсонифицированная личность”. Аналогичное решение предлагает и Е.Шорохова: “Для социологии личность выступает продуктом общественных отношений, конкретным носителем этих отношений, субъектом общественной жизни, элементом общности”. Социологию прежде всего интересует не конкретный человек, индивидуальность, а типы личностей, если под словом личность понимать, по определению И.Кона: “Совокупность интегрированных в человеке общественно важных черт, приобретенных в процессе прямого и косвенного взаимодействия данного индивида с другими людьми, которые и формируют ее как субъект общественных отношений” [Кон, 1999: с. 59], а также как эти общественно важные черты (личность) детерминируют выполнение индивидом его социальных ролей.

Но мое задание — проанализировать жизненный путь конкретного человека — себя самого. Поэтому появляется необходимость сочетания подхода к изучению человека как индивидуальности и рассмотрения человека как объекта общественных отношений. Нужен синтез интериндивидуального и интраиндивидуального подходов, то есть исследование не только взаимодействия человека в рамках социальных групп, но и того, что человек, а в моей ситуации — я сам, ощущает в процессе активного усвоения системы социальных связей, что он о них думает, как проходит процесс интернализации им существующих социальных норм и ценностей. Одними методами социологии с такой проблемой не справиться, но на помощь приходит такая наука, как социальная психология. Главным ориентиром в исследовании личности для нее является взаимодействие конкретной личности (индивидуальности), а не просто деиндивидуализированного агента социальных отношений с группой (не просто личностью, находящаяся в группе, а именно результат, образующийся в процессе взаимодействия). Именно опираясь на социологический и социально-психологический подходы, я буду анализировать свой жизненный путь.

Определившись с основными принципами исследования, нужно выделить предмет исследования, объект понятен — собственный жизненный путь, от рождения и до поступления в университет. Нужно выбрать такие аспекты, которые лучше всего характеризуют объект исследования с социологической точки зрения. Самой важной особенностью дотрудового этапа жизни человека безусловно является образование. Образование и в общепринятом значении, то есть приобретение навыков и знаний по определенным дисциплинам, и так называемое социальное “образование”, то есть усвоение ценностей, норм и привычек, которые и делают полноценным субъектом общественных отношений. В социологии есть специальный термин для обозначения этих процессов — социализация. Сразу скажу, под социализацией я понимаю не только усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей, но и процесс воспроизводства индивидом системы социальных связей благодаря его активной деятельности, активному включению в социальную среду, а также формирование мировосприятия и мировоззрения. Вместе с тем социализация предполагает индивидуализацию, поскольку она необходима для восхождения к индивидуальному. Человек осваивает мир культуры избирательно, на основе своих интересов, собственного мировоззрения. Осваивая культуру, человек формирует свои способности, потребности, ценности. Поэтому нет социализации без индивидуализации. Вот здесь и будет умест-

на социальная психология. Ведь для социальной психологии важно не то, как в личности представлены социально-типичные черты, а выявление того, как сформировались эти социально-типичные черты, почему в одних условиях формирования личности они проявлялись в полной мере, а в других возникли какие-то другие социально-типичные черты, вопреки принадлежности личности к определенной социальной группе. Для этого в социальной психологии делают больший, чем в социологии, акцент на микросреде формирования личности, а именно на малых группах, являющихся основными агентами социализации. Итак, предметом исследования будет служить процесс моей социализации как наиболее характерный аспект моей дотрудовой деятельности, а учитывая мой возраст, то и всей моей жизни.

Определив социологические подходы к исследованию личности и выбрав предмет исследования — социализацию личности, мне остается выбрать методы. В социологии существует множество методов исследования. Посмотрим, какие нам подойдут. Анализ письменных источников ничего не даст, они могут указать лишь на факты, а не на связи между этими фактами, а именно это — нахождение каузальных связей между явлениями моей жизни и моей социализацией — и является основной целью исследования. Мог бы помочь дневник, из которого можно было бы узнать о собственном эмоциональном состоянии, мыслях, переживаниях в определенные периоды жизни, но я никогда не вел дневника; также были бы полезны характеристики с места учебы, они помогли бы избежать субъективности, но к ним я доступа не имею. Опросить хотя бы малую часть людей, которые влияли на меня в течение жизни — задание на многие годы. Помощь самых близких людей очень важна, ведь о первых годах своей жизни я ничего не помню, и информация, которую они мне предоставят, очень полезна. Но все же в моем случае основной путь — “смотри внутрь себя”, как говорил Марк Аврелий. И действительно, помимо информации о моем детстве со стороны самых близких родных, у меня на вооружении только моя память и “социологическое воображение”, которое прежде всего означает умение отстраняться от рутины повседневной жизни, чтобы взглянуть на нее новым, социологическим взглядом.

Автобиография

Социология — наука синтеза, а не анализа. Анализ предполагает разделение какого-либо целого явления на составные части для дальнейшего исследования их отдельно друг от друга. Можно ли провести эффективное социологическое исследование социальной группы, расчленив ее на отдельных индивидов, без учета связей между ними, не принимая во внимание структуру группы? Я думаю — нет. Можно изучать социальную группу как целое, поместив ее в лабораторные условия, в этой ситуации непосредственная связь между членами группы сохраняется, но тогда группа оказывается полностью изолированной от всей существующей системы социальных связей, группа будет отделена от остального общества, теряется бесчисленное количество факторов влияния общества на группу, а значит, и на взаимодействие между ее членами. Можно ли в таком случае говорить о полноте или точности необходимой информации? Такой способ больше подходит психологическим исследованиям, в социологии нельзя отделять какое-то одно событие или явление от системы социальных связей. Хорошо объясняет, почему так делать нельзя, Ф.Энгельс:

“Итак, господин Дюринг разлагает общество на его простейшие элементы и находит при этом, что простейшее общество состоит по меньшей мере из двух человек. И вот он начинает аксиоматически оперировать над этими двумя индивидуумами. Тут непринужденно получается следующая моральная основная аксиома: “две человеческие воли, как таковые, вполне равны друг другу, и ни одна из них не может предъявлять другой никаких положительных требований”. Этим “характеризуется основная форма моральной справедливости” и точно так же юридической справедливости, ибо “для развития принципиальных понятий права мы нуждаемся лишь в совершенно простом и элементарном отношении двух людей” ...

Мы должны здесь сообщить читателю неприятное известие о том, что отныне он на довольно долгое время не избавится от этих двух замечательных индивидуумов. В области общественных отношений они играют ту же роль, какую до сих пор играли обитатели других мировых тел, от которых мы теперь, надо надеяться, навсегда избавились. Лишь только возникает какой-нибудь вопрос из области политической экономии, политики и т.д., как моментально выходят на сцену два субъекта и в мгновение ока, “аксиоматически”, расправляются с проблемой. Разумеется, это — замечательное, творческое, системосозидающее открытие нашего философа действительности. Но, к несчастью, любовь к истине заставляет нас сказать, что не он открыл эту пару людей: они известны всему XVIII веку. Они встречаются уже в “Размышлении о неравенстве” Руссо 1754 г., где, мимоходом сказать, они аксиоматически доказывают противоположное тому, что утверждает господин Дюринг. Они играют главную роль у экономистов от Адама Смита до Рикардо; но здесь, по крайней мере, они не равны в том отношении, что каждый из них занимается своим особым делом, — чаще всего это охотник и рыбак, — и обмениваются своими продуктами. Кроме того, в течение всего XVIII века они служат, главным образом, в целях иллюстрации, и вся оригинальность господина Дюринга заключается лишь в том, что он поднял этот иллюстративный метод на высоту основного метода всех общественных наук, превратив его в критерий для всех исторических формаций... Но для основной аксиомы о двух субъектах, воли которых вполне полностью равны друг другу и из которых ни один не может ничего приказывать другому, годятся не любые два субъекта. Для этого должны быть два человека, которые так очищены от всего реального, от всех существующих на земле национальных, экономических, политических, религиозных условий, от всех половых и личных особенностей, что от них обоих ничего не остается, кроме простого понятия “человек”, а тогда, конечно, они “вполне равны”. Словом, это два совершеннейших духа, вызванные тем самым господином Дюрингом, который всюду чует и разоблачает “спиритические” наклонности. Разумеется, оба духа должны выполнять все, чего захочет от них их заклинатель, но именно поэтому все их штуки в высочайшей степени безразличны для остального мира” [Энгельс, 1931: с. 97–99].

В социологических исследованиях нужно обязательно учитывать существующую в обществе систему социальных отношений, социокультурный контекст взаимодействия индивидов и влияние процессов, происходящих на макроуровне, на процессы межличностной интеракции и на индивидуальную жизнь людей.

Поскольку моя работа имеет собственно социологический характер (по крайней мере, я на это надеюсь), то, исходя из вышесказанного, исследовать

свою жизнь, учитывая только непосредственное взаимодействие в рамках малых групп, без учета факторов прямого и косвенного влияния макросреды нашей страны, неэффективно. Поэтому я начну не с момента моего рождения, а с обозрения масштабных социально-экономических трансформаций, произошедших после распада СССР и оказавших огромное влияние на мою социализацию.

Распад СССР обусловил колоссальные изменения в системе общественных отношений. Прежние советские ценности и нормы перестали функционировать. Украина теперь уже не часть великой коммунистической державы, а самостоятельная капиталистически-демократическая страна. Появилось множество новых возможностей, но большинство людей просто не знали, как следует поступать в такой ситуации, в их жизни никогда ничего похожего не было. Прежние нормы поведения оказались неэффективными, а новые могли прийти только с опытом. Появилось ощущение тревоги и неуверенности в будущем. Более того, прежние советские идеалы начали осуждать на государственном уровне; это еще больше ухудшило самочувствие многих людей, многие из которых искренне верили своим бывшим лидерам, а сейчас этих лидеров называют преступниками. Люди начинали ощущать себя соучастниками этих преступлений, ведь они поддерживали своих советских лидеров. Возник ценностно-нормативный вакуум, просто-таки хрестоматийный пример для демонстрации понятия “аномия”. Действительно, советские нормы перестали функционировать, но ведь у нас появилось собственное независимое государство, можно было быстро выработать новые национальные ценности и нормы, но этому помешали экономические причины. Централизованно-плановое экономическое устройство Украины сменилось капиталистическим. Произошло первичное накопление капитала и приватизация средств производства небольшой группой лиц, тогда как в стране происходила пауперизация. Трудно не согласиться с К.Марксом, когда он говорит, что масштабные изменения в способах организации производственных отношений приводят к не меньшим изменениям и в так называемой “надстройке”, то есть в общественной организации. Когда тебе нечего есть, то ты не думаешь о каких-то ценностях или морали, ты хочешь выжить. Люди хотели просто суметь удержаться в этом мире, не умереть, и ради этого они были готовы даже на преступление, не говоря уже о компромиссах что касается своего внутреннего нравственного закона. Ситуацию усложняло проникновение западных идеалов так называемой “культуры потребления”, реклама вызывала у людей новые потребности, а удовлетворить их они не могли, иногда не хватало даже на товары первой необходимости, у людей появлялось ощущение фрустрации. Катастрофическая экономическая ситуация значительно замедлила процесс образования новых национальных ценностей (который, кстати, до сих пор незавершен) и продлила в Украине состояние аномии. Конечно, все эти проблемы затронули и мою семью, а значит, и меня. Я отношусь к поколению, которое родилось и живет в независимой Украине. С одной стороны, это прекрасно — родиться свободным, иметь множество возможностей для самореализации, свободу вероисповедания, право на собственное мнение и т.п. С другой — имеет ли это поколение собственное мнение? Возможно, это поколение аномии, поколение без ценностей. Проследим жизненный путь одного из представителей этого поколения.

Я родился тридцатого марта 1992 года в городе Киеве в семье экономиста и частной предпринимательницы. Моя родительская нуклеарная семья со-

стоит из четырех человек: моего отца, матери, меня и моего брата, который старше меня на семь лет. Первая стадия жизни человека — стадия младенчества. В это время у ребенка развиваются органы чувств, он начинает различать отдельные предметы, а немного позже — отличать людей от неживых предметов. Согласно Э.Эриксону, в этот период у человека формируется чувство “базового доверия” к внешнему миру. Основным средством этого является формирование привязанности у ребенка к отдельным людям. В случае, когда ребенка в силу определенных обстоятельств должны отлучить от матери или других людей, которые о нем заботятся, может возникнуть детская депривация, когда потребность младенца в первичных связях с матерью не будет удовлетворяться. Тогда у ребенка возникает чувство тревоги, недоверия к миру, во взрослом возрасте это может обернуться замкнутостью, озлобленностью или другими психическими проблемами. Стадия младенчества важна, поскольку в ней закладываются основы психического здоровья человека.

К сожалению, я ничего не помню об этом периоде своей жизни, даже не могу вспомнить, что я чувствовал тогда. Со слов родителей, я рос как каждый нормальный ребенок, никаких проблем со здоровьем не имел.

Человек перестает быть младенцем, когда у него начинает формироваться ощущение собственной автономии, а потом он начинает чувствовать себя именно человеком, одним из многих. Разумеется, без взаимодействия с другими индивидами такие процессы невозможны. Очень метко это описывает К.Маркс: “Человек сначала смотрит на другого человека, как в зеркало. Только начав относиться к человеку Павлу, как к себе самому, человек Петр начинает относиться к себе самому как к человеку”. Это мнение подтверждают случаи детей-“маугли”, таких как Авейронский дикарь; эти дети считают себя не людьми, а теми животными, которые о них заботились. Конечно, этих детей можно научить произносить какое-то количество слов или научить есть с ножом и вилкой (кстати, ученые смогли научить таким вещам шимпанзе), но их не научишь быть “человеком” в социальном значении этого слова. Эти дети не могут освоить то, что составляет основу социальной интеракции индивидов — остаточные нормы. Э.Гидденс определяет их как “глубинные правила, которые упорядочивают повседневную жизнь и связаны с общепринятыми условностями — такие, например, как необходимость посмотреть на человека, который к вам обращается, понимание сути того, что говорят и делают другие люди, контроль жестов и движений своего тела” [Гидденс, 1999: с. 147]. Если первая стадия социализации человека — стадия младенца — является ключевой для психического развития человека, то вторую стадию, которую Э.Эриксон определяет как раннее детство, я считаю самым важным этапом социализации, поскольку в это время закладываются основы человеческого социального поведения — остаточные нормы — и основа человеческого мышления — идентификация себя как отдельного, но не оторванного от остального мира существа.

Первое, что я могу вспомнить в своей жизни, — это свои чувства, когда я был уже трехлетним ребенком. И это далеко не самые прекрасные воспоминания — чувства тревоги и страха... Настал черед рассказать о тогдашнем состоянии моей семьи, поскольку это непосредственно влияло на мою социализацию. Это были очень трудные времена для моей семьи. Незадолго до моего рождения отец, как и миллионы других людей того времени, потерял свою работу, он работал по специальности — инженером. Мама ради того, чтобы заработать хоть какие-то деньги, была вынуждена совершать опасные

поездки за границу. Дела шли крайне плохо, а тут появляется еще один ребенок. Я вообще не должен был родиться, когда узнали, что мама забеременела, все родственники, и даже отец были против моего рождения, но мать настояла на своем и решила рожать. Мои родители всегда делали все возможное для нашего с братом счастья, они любили нас больше, чем себя, досадно, что такое светлое чувство сыграло с нами всеми злую шутку. В три года я уже мог чувствовать семейную атмосферу и эмоции близких людей. Я видел, что мои родители несчастливы. Отец вынужден был пойти на неинтересную для себя работу, он ее очень не любил, и это не могло не отразиться на семейных отношениях в нашей семье. Отец стал более резким, агрессивным, стал меньше с нами общаться и не уделял достаточного внимания своим детям. Хотя мои родители внешне старались выглядеть счастливо, в душе они были несчастливы, и я это чувствовал. Особенностью всех детей в возрасте от двух до семи лет является эгоцентричность; нет, они не эгоисты, они просто пытаются интерпретировать мир исключительно в терминах собственной позиции. Ребенок в этот период не понимает, что другие видят предметы в ином свете, отличном от их собственного. Поэтому естественно, что я экстраполировал чувства своих родителей на себя и стал считать, что именно я являюсь причиной всех их страданий. Позже, в более сознательном возрасте, я узнал, что отец и почти вся родня были против моего рождения, это произвело на меня гнетущее впечатление. Если я был виной страданий даже у самых близких людей, то какое я имею право вообще общаться с другими людьми, ведь им также будет со мной плохо — так мне думалось. Я рос нервным и скрытным ребенком, мне было трудно идти на контакт с людьми, но подобно любому человеку я нуждался в общении с другими. Передо мной встала знаменитая «дилемма дикобразов» А.Шопенгауэра:

«Когда люди вступают в тесное общение друг с другом, то их поведение напоминает дикобразов, которые пытаются согреться в холодную зимнюю ночь. Им холодно, они прижимаются друг к другу, но чем сильнее они это делают, тем больнее они колют друг друга своими длинными иглами. Вынужденные из-за боли уколов разойтись, они снова сближаются из-за холода, и так — все ночи напролет».

Выходов из такой ситуации у меня было два. Первый — все-таки идти на сближение с людьми, не обращая внимания на боль, дискомфорт и неуверенность, которые приносит это общение. Второй — жить на расстоянии «иголок» других людей, то есть не вступать с ними в близкий контакт. Первый путь требует смелости и мужества, чтобы преодолеть психологические барьеры, он требует действия; второй путь принять значительно легче, чему есть множество примеров в истории, когда несмотря на ужасные условия существования, поработанные народы веками не могли восстать против своих поработителей. В моем случае поработители — это психологические комплексы. Большинство людей выбрали бы второй путь, и я не стал исключением. Первый путь для смелых, сильных духом людей, таких в наши дни очень мало, и, к сожалению, я не из таких. Разумеется, это не означает, что у меня никогда не было друзей — были, но много — никогда.

Моя ситуация — наглядный пример того, как изменения на государственном уровне, вызванные распадом СССР, повлияли на мою семью, которая, в свою очередь, повлияла на меня — классическая цепь: макроуровень — микроуровень — индивидуальный уровень. Еще точнее можно описать этот процесс, воспользовавшись таблицей уровней социальной организации Т.Пар-

сонса: социетальный уровень (распад СССР) — институциональный уровень (смена существующей системы экономических отношений) — менеджеральный уровень (сокращение в организации, где работал мой отец) — непосредственный уровень (ухудшение семейной атмосферы) — индивидуальный уровень (возникновение у меня психологических проблем).

Теперь следует рассказать о моем воспитании. Мои родители — очень образованные люди, у нас было очень много книг, и уже сызмальства я много читал, это привило мне любовь к знаниям. Нужно сказать, что я родился в маргинальной семье, мои родители — русские, долгое время проживающие на территории Украины, они считают себя украинцами, хотя общаются на русском языке и считают своей родной культурой именно русскую. В моем воспитании отсутствовал какой бы то ни было национальный оттенок, меня воспитывали в первую очередь как справедливого человека, а не как украинца или русского. Но все же большую часть времени я проводил в русскоязычной среде, и именно русский язык я считаю своим родным. Хотя я хорошо владею украинским, на русском мне общаться легче. Те времена были очень трудные для людей, каждый думал о том, как бы выжить. Это оставило свой отпечаток и на мне, большую часть своей недолгой жизни я не ощущал себя частичкой украинского народа, я отождествлял себя прежде всего с собственной семьей, а не со своей Родиной.

В три года я впервые пошел в детский сад. Но уже на четвертый день моего пребывания там я получил очень тяжелый перелом левой руки и больше не смог посещать детский сад. В итоге я проводил гораздо меньше времени с одноклассниками, чем обычный ребенок моего возраста. Конечно, это имело для меня негативные последствия. В дальнейшем мне не хватало навыков общения с равными себе людьми, которые (навыки) должны были формироваться у меня именно в период раннего детства. Я всегда чувствовал неуверенность во время общения с представителями одного со мной поколения. Из-за того, что я не посещал детский сад, я вынужден был очень много времени проводить дома, что отнюдь не способствовало развитию моей самостоятельности. Хотя, с другой стороны, я никогда не любил жесткий контроль над собой, потому что в детстве у меня не развилось доверие к не близким мне людям.

Когда мне исполнилось четыре года, произошло событие, оказавшее колоссальное влияние на формирование меня как личности и определившее мое мировосприятие на всю жизнь — к другой женщине ушел отец. Конечно, мама говорила мне, что он уехал в длительную командировку, но я почему-то чувствовал, что это неправда. Разлука с отцом стала для меня настоящим ударом, поскольку я был очень сильно привязан к нему. Отец потом вернулся, но изменения во мне были необратимыми. Во-первых, я так никогда по-настоящему, на подсознательном уровне не смог простить отца, я стал больше любить и ценить свою мать, а к отцу начал относиться с недоверием. Во-вторых, это повлияло на формирование моего мировоззрения и отношения к людям. Как я уже говорил, под социализацией я также понимаю воспроизводство интернализованных индивидом норм и ценностей. А процесс интернализации индивидом общественных норм обусловлен, в первую очередь, его мировоззрением. После этого поступка отца я стал воспринимать мир исключительно в темных тонах, я рос пессимистом, повсюду видел только плохое. Я всегда всем был недоволен, даже тогда, когда у меня все было просто чудесно, я находил поводы для того, чтобы пожаловаться на жизнь. При знакомстве с новым человеком я прежде всего искал в нем не-

достатки, а хорошие черты людей я старался не замечать. Я разочаровался в людях и в обществе, и даже сейчас, после того как я смог преодолеть свой пессимизм (об этом позже), я все еще чувствую отголоски прошлого, поэтому мне трудно доверяться людям.

Следующая стадия социализации, происходящая в возрасте от пяти до семи лет, называется “возраст игры”. В это время ребенок впервые начинает активно взаимодействовать с группами других детей, например, со своей группой в детском садике. В этот период человек приобретает навыки кооперации и групповой деятельности, в этом возрасте решающим фактором является групповая игра, позволяющая ребенку почувствовать себя полноценным членом команды равных себе индивидов. Именно на этом этапе начинают формироваться инициативность и лидерские качества. У каждой игры есть свои правила, поэтому в ходе игрового процесса ребенок усваивает определенные правила группового действия, начинается формирование чувства честности и справедливости.

В пять лет я во второй раз пошел в детский сад, на этот раз никаких проблем не было. Впервые в жизни я на такое долгое время был отлучен от дома. Это уже была совсем другая социальная среда, и мне пришлось искать пути для адаптации в ней. Я должен был слушаться старших, воспитателей. Именно в детском саду я получил бесценный для себя опыт взаимодействия с группой равных со мной детей.

В это время финансовое положение моей семьи существенно улучшилось, это позволило родителям отдать меня в спортивные секции. В шесть лет я начал заниматься футболом и большим теннисом. На футболе нас, мальчишек, учили быть одной командой, говорили, что один в поле не воин, и для победы каждый должен выполнять свои функции. Тогда я этого не мог понять, мне казалось, что я и сам могу решить результат игры, я всегда хотел выигрывать матчи собственными силами. Тренер увидел, что командного игрока из меня не вылепить, и поставил меня вратарем. Всегда легче играть на команду, если она состоит из твоих друзей или хотя бы добрых знакомых. Но из-за отсутствия опыта общения с ровесниками, поскольку я поздно пошел в детский сад, и из-за определенных психологических барьеров мне было сложно устанавливать близкие контакты с партнерами по футбольной команде, поэтому я отдавал предпочтение индивидуальной игре. Как индивидуалисту мне гораздо больше нравился большой теннис. Но и здесь проявилась еще одна особенность моего характера — прагматичность, хотя скорее не прагматичность, а лень. Мой тренер по теннису уделял много внимания физической подготовке, заставлял много бегать, прыгать, скакать, а я это ненавидел. Даже в игре я старался выиграть розыгрыш, расходуя как можно меньше сил. Я вообще никогда в жизни не умел много и усердно работать, я могу сконцентрироваться и приложить определенные усилия для достижения каких-то конкретных целей, но упорно и систематически трудиться в течение многих месяцев я не в состоянии. Причиной этого является то, что я рос балованным ребенком. Хотя в моей семье никогда особенно много денег не бывало, я всегда получал все, что хотел. Родные почти все за меня делали: если я сорил в комнате — убирали родители или брат, забыл помыть посуду — ничего страшного. Я был почти избавлен от групповых ожиданий со стороны моей семьи и всегда думал, что мою работу сделают другие члены моей семьи. Все это явно не то, что может воспитать у человека любовь к труду, поэтому трудная работа — не для меня. Но в таком отноше-

нии ко мне со стороны родителей были и позитивные моменты, поскольку я был почти избавлен от карательных санкций со стороны семьи, то я не боялся сознаваться в своей виновности и брать на себя ответственность за мои же поступки, ведь меня за них практически не наказывали, в будущем это сделало меня смелым в этом смысле человеком.

В семь лет я пошел в школу. Эх, школа, родная школа, сколько воспоминаний у меня с ней связано! Школа стала для меня настоящим уроком жизни, только после обучения в школе я почувствовал, что такое современный мир во всей его полноте, понял, что такое ценности и интересы современной молодежи.

В современном обществе, в процессе развития общественного разделения труда, индивид попадает в прямую и опосредованную зависимость от широкого круга людей. Это, безусловно, требует длительной специальной подготовки, первые этапы которой происходят именно в школе. Помимо изучения формального набора учебных дисциплин в школе должна формироваться культура поведения человека в рамках общества. Школа — самый главный после семьи агент социализации индивида в раннем возрасте.

Я пошел в обычную общеобразовательную школу с углубленным изучением иностранных языков. Накануне первого звонка мне приснился кошмар, оказавшийся вещим сном. На следующее утро я с огромным нежеланием отправился в школу. Первое, что меня поразило — это то, что множество маленьких детей должны были простоять полтора часа на сильной жаре. Все эти стройные ряды школьников на спортивной площадке школы вызывали у меня ассоциации с прогулками узников в тюрьмах. Этот акт издевательства над детьми надолго засел в моей голове и вызывал у меня стойкую неприязнь к слепому выполнению приказов, особенно если те, кто данные приказы продвигает, не учитывают возможных последствий. Школа — это не только знания, это еще так называемая “скрытая программа”: от детей ожидают, что они будут тихо заниматься в классе, хорошо себя вести на уроках, будут соблюдать правила школьной дисциплины; они вынуждены принимать требования учителей и реагировать на них. Моя первая учительница имела тридцатилетний педагогический опыт, очень хорошо умела излагать материал, была очень дисциплинированная и одновременно строгая и требовательная. Идеальный учитель для любого, но не для меня. Как я уже говорил, я не привык к жестким ожиданиям со стороны других людей, а в школе нам задавали очень много домашних заданий. А за каждое невыполненное задание моя первая учительница громко кричала на детей, что сильно влияло на мою невинную детскую психику. И что самое главное, она публично издевалась над теми, кто не выполнял домашних заданий или нарушал дисциплину, она унижала авторитет этих детей в группе равных им по статусу, заставляя их чувствовать себя хуже, чем другие. Я ужасно этого боялся, и чтобы избежать издевательств, я был вынужден выполнять все, что нам задавали, а это было очень сложно для меня, поскольку я быстро уставал от систематической работы, и это доставляло мне большие страдания. Я был отличником, но это был не мой выбор, я делал так, чтобы избежать еще больших страданий, я боялся каждой ошибки, так как знал, что они могут привести к новым издевательствам. Это постоянное психологическое давление со стороны учителей определило мое враждебное отношение и страх перед школой. Я стал воспринимать школу не как второй дом или храм знаний, а как каторгу. С одноклассниками отношения складывались довольно хорошо, у меня быстро появились новые друзья,

и неформальное общение в школе приносило мне удовлетворение. Но когда я был во втором классе, со мной случилось то, что выбило меня из коллектива почти на целый год. Я был спортивным мальчиком, как вдруг в начале моего второго учебного года я стал резко поправляться, масса моего тела увеличилась почти вдвое. Родители повели меня к врачам, которые диагностировали у меня тяжелое заболевание почек. Меня тут же уложили в больницу, где я и провел весь следующий год.

Мне было 8 лет, когда я попал в больницу. В этом возрасте у индивида формируется, по терминологии Г. Мида, “обобщенное другое” — общие ценности и моральные установки, принятые в культуре, в рамках которой индивид развивается. Если в период возраста игры у ребенка формируются нормы поведения, то в период восьми–девяти лет у ребенка формируется собственное отношение к существующим нормам, к обществу, к государству, у индивида возникает ощущение собственного “я” как индивидуальности, гражданина, то есть индивид начинает осознавать свою принадлежность к определенному народу и государству. Индивид формирует образ обобщенного другого в процессе социального взаимодействия с определенной группой и именно в ходе этого взаимодействия человек усваивает общественные ценности. То есть налицо двойная интерпретация ценностей: сначала группа интернализирует общественные ценности (именно группа как целое, а не каждый ее член отдельно), а потом интерпретированные группой ценности интернализируются индивидом. Одним словом, на процесс усвоения индивидом общественных ценностей очень сильно влияют группы, в рамках которых он функционирует как социально активный член общества.

У меня была почти неизлечимая болезнь, и я лежал в палате с такими же тяжелобольными детьми и их мамами. Учтывая ужасные условия в больницах украинских больниц (крысы, тараканы в палатах, годами не отремонтированные помещения, плохое отопление зимой и многое другое), не трудно догадаться, как эти люди относились к остальному обществу, особенно к власти имущим. Поскольку эти люди и составляли круг моего общения, то я невольно перенимал их ценности и взгляды на жизнь. Этот год в аду оставил во мне страшный отпечаток, я постепенно становился нигилистом и мизантропом. У меня был небольшой черно-белый телевизор и по нему я смотрел, как живут нормальные люди, и сильно, чрезвычайно сильно им завидовал. Нельзя сказать, что я плохо относился к простым людям, а вот к представителям властных структур и олигархам у меня выработалось стойкое отвращение. Следует заметить, что мои родители всегда скептически относились к действующей власти, как советской, так и украинской, безусловно, это не могло не проявляться в их взаимодействии и общении со мной, этот скептицизм соответствующим образом повлиял и на меня. Не знаю как, но мне удалось выздороветь, я избежал физической смерти, но душевные раны смогло исцелить только время.

Потерянный год никак не сказался на учебе, меня не оставили на второй год, и я перешел в третий класс и закончил его отличником. А вот возобновить отношения с одноклассниками после года разлуки было очень сложно. Кроме того, я был вынужден прекратить занятия спортом.

После перехода в среднюю школу исчез психологический пресс со стороны моей первой учительницы. Учиться я стал немного хуже, но все же старался получать как можно более высокие оценки, хоть и не прилагал для этого таких усилий, как прежде. Я стал замечать, что мой лучший друг, у ко-

торого мать была завучем нашей школы, всегда получал оценки лучше, чем у меня, хотя знаний у него было меньше и на уроках он отвечал реже, чем я. Меня крайне огорчала подобная несправедливость и постепенно она отбивала у меня желание учиться. Со временем я стал учиться все хуже, перестал отвечать на уроках, скатился на тройки и двойки. Я понял, что дальше падать уже никуда, и захотел все исправить, но не смог. Что-то не давало мне отвечать на уроках и блокировало мои порывы к ответу, даже контрольные работы я стал плохо писать. И это не был недостаток знаний, я был очень начитанным ребенком и предметы школьной программы знал хорошо. Сработала теория социальной стигматизации, то есть навешивания ярлыка. После того как я какое-то время проучился плохо, то есть после первичного отклонения, моя школьная социальная группа поставила на мне клеймо плохого ученика. Я попытался все изменить, но групповая установка была нацелена на меня как на плохого ученика, поэтому учителя отказывались видеть во мне умного ребенка и сознательно занижали мне оценки как плохому ученику. Со временем я смирился с этим, принял ярлык, который они на меня нацепили, и это было вторичное отклонение, после которого я уже не хотел ничего менять и покорно принял навязанную мне роль плохого ученика.

Общественные потрясения всегда сильно влияют на жизнь отдельных людей, поэтому нельзя пропустить еще одно важное событие в моей жизни — Оранжевую революцию. В 2004 году мне было двенадцать лет. Я хорошо помню, как меня тогда захватил этот общественный порыв, как я впервые в жизни почувствовал себя частью единого украинского народа. Я ощущал настоящий духовный подъем и жажду борьбы за справедливость. Мое состояние в то время напоминало то, которое наблюдал Э.Дюркгейм, изучая австралийские тотемные религии, у членов австралийских племен во время священнодействий:

“Легко представить, что в таком состоянии экзальтации человек не помнит самого себя. Чувствуя над собой господство какой-то внешней силы, захваченный этой силой, заставляющей его думать и действовать иначе, чем в нормальном состоянии, он, естественно, чувствует, что перестал быть самим собой. Ему кажется, что он стал новым существом: украшения, которые он надел, разные маски, которые он носит на лице, являются материальной формой этой внутренней трансформации и еще больше подчеркивают ее. А поскольку все его товарищи в то же время ощущают себя так же преобразованными и выражают свои чувства криками, жестами, позами, все происходит так, будто бы он действительно перенесен в особый мир, который совершенно отличается от того, в котором он обычно живет, в сферу деятельности исключительно интенсивных сил, которые увлекают и преобразуют его” [Дюркгейм, 1998: с. 311–312].

И действительно, большая часть народа Украины была объединена единой целью, и это была не поддержка отдельного человека — Ющенко, это была вера в то, что общество можно улучшить, идолом людей был не Ющенко или любой другой отдельный человек, идолом было новое, справедливое общество. Дюркгейм прекрасно описывает этот процесс временного изменения общественного сознания на примере Великой французской буржуазной революции:

“Эта способность общества выступать как бог или порождать богов никогда так не проявлялась, как в первые годы революции. Действительно, в это время под влиянием всеобщего энтузиазма сугубо светские по своей

природе вещи были превращены общественным мнением в священные: Родина, Свобода, Разум. Обозначилась тенденция к созданию религии со своим догматом, своей символикой, алтарями и празднествами. Именно этим спонтанным надеждам пытался дать нечто вроде официального удовлетворения культ Разума и Высшего Существа. Правда, это религиозное обновление оказалось быстротечным. Дело в том, что патриотический энтузиазм, ставший первопричиной движения масс, ослабевал. Исчезла причина — и следствие не могло сохраниться” [Дюркгейм, 1998: с. 305–306].

Объяснял Дюркгейм и быстротечность такого состояния подъема общественного сознания:

“Действительно, в такие моменты эта высшая жизнь проживается с такой интенсивностью и столь необычно, что она занимает почти все место в сознаниях, более или менее основательно вытесняя из них эгоистические и повседневные заботы. Идеальное тогда стремится слиться в одно целое с реальным; вот почему у людей возникает впечатление, что совсем близко то время, когда идеальное станет самой реальностью и Царство Божье воцарится на этой земле. Но иллюзия никогда не бывает долгой, как и сама эта экзальтация не может длиться долго: она слишком утомляет. Как только критический момент миновал, течение социальной жизни ослабевает, интеллектуальные и эмоциональные контакты становятся менее активными, индивиды снова возвращаются к уровню своей повседневной жизни” [Дюркгейм, 1998].

Так и случилось, и очень быстро после победы оранжевых народ сильно разочаровался в своих новых лидерах. Большинство людей склонны считать, что это связано с неэффективным управлением государством со стороны новой власти, но я позволю себе с этим не согласиться. Я думаю, народ в любом случае был бы недоволен. Высокий уровень солидаризации населения не мог долго продержаться, поскольку цель революции была достигнута — общество довольно сильно изменилось, оно стало более открытым, ушла прежняя власть. А значит, у людей исчез стимул к объединению, исчезло то, просто-таки религиозное ощущение единства, общество утратило свою временную святость для людей. Они вернулись к повседневным делам, а главное повседневное дело большинства людей — это удовлетворение собственных потребностей. Невозможно было резко и быстро повысить уровень жизни населения, этого не позволяла слабая экономика, а значит, люди после кратковременного подъема вновь оказались перед лицом бедности и низкого уровня жизни. Именно такими я вижу причины быстрого падения уровня доверия к власти уже через несколько месяцев после Оранжевой революции.

О самом себе я могу сказать, что подобно большинству людей быстро разочаровался в новой власти и после этого окончательно перестал верить словам украинских политиков.

Когда у человека трудный период в жизни, он нуждается в ориентирах. Если он не находит этих ориентиров в обществе или государстве, человек обращается к Богу. Так случилось и с моим отцом: когда его уволили с работы в 1992 году, он начал посещать православный храм. Как и для большинства людей, для моего отца религия выполняла прежде всего компенсаторную функцию, то есть он думал, что за страдания в этом мире ему воздастся на небесах. Это путь наемника: я буду служить и поклоняться тебе, Боже, а ты взамен подари мне вечное блаженство после моей смерти. С малолетства отец начал приучать к христианству и меня, он брал меня практически на каждую службу, и я, маленький ребенок, вынужден был выстаивать много-

часовые службы. Это имело двоякое влияние: с одной стороны, я стал верующим человеком, с другой — у меня сформировалась стойкая неприязнь к посреднику между Богом и человеком, к церкви, которая ассоциировалась у меня с теми физическими страданиями, которые я ощущал во время очень длинных служб в храме. Я могу с уверенностью сказать, что верю в Бога, но я не сторонник какой-либо официальной религии. Я верю не в персонифицированного Бога, а в Бога как идею, платоновскую идею Блага.

В шестнадцать лет мне казалось, что жизнь пошла коту под хвост: в школе дела шли ужасно, у меня почти не осталось друзей, дома меня ждали постоянные ссоры. Жизнь не приносила мне радости, я страдал, окончательно впал в депрессию, мне не слишком-то хотелось жить, иногда даже казалось, что я наслаждаюсь собственными страданиями. Невеселая картина, не так ли? Но однажды все изменилось: мне в руки попала одна книга, перевернувшая мою жизнь с ног на голову, странно, как одна маленькая книжка помогла мне спасти свою жизнь от пропасти уныния. Это была книга античного философа Марка Аврелия Антонина “Наедине с собой”. Это произведение дало мне представление о том, что есть для человека добро, а что — зло, помогла сформировать личные ценности. Моей главной жизненной установкой стала основополагающая мысль этой книги: “наша жизнь есть то, что мы о ней думаем”. На первый взгляд весьма банальное высказывание, но какое же оно действенное! Я изменил ход своих мыслей на более позитивный, и моя жизнь полностью изменилась, впервые за многие годы жизнь стала для меня счастьем. После этого я увлекся философией, особенно античной. Если произведение Марка Аврелия создало меня, без преувеличения, как человека, то следующая книга, которую я прочитал, сформировала меня как гражданина и патриота. Это были диалоги Платона (“Государство”, “Критон”, “Протагор”), только после ознакомления с этими диалогами я понял, что такое Государство для своих граждан, после этого я, конечно, не смог не полюбить свою родную Украину, у меня уже были похожие чувства во время Оранжевой революции, но тогда я был частью единого общественного порыва, которому трудно было сопротивляться, а сейчас это индивидуальный выбор и собственная жизненная позиция. Эти две книги стали настоящим катарсисом для меня и только тогда я смог себя по-настоящему почувствовать человеком.

После весьма успешной сдачи тестов внешнего независимого оценивания я должен был выбрать будущую профессию. Сначала я хотел поступать на философский факультет, но здесь свою роль сыграл консюмеризм: на людей отовсюду смотрят рекламные плакаты, агитирующие покупать определенные товары и услуги, каждый день по телевизору идет реклама — современная культура пытается убедить человека в том, что главная цель человека в жизни — употребить как можно больше товаров и услуг, реклама пытается превратить человека в автомат для потребления, и, нужно сказать, ей это удается. Разумеется, культура потребления не обошла меня стороной, я, как и все люди, зависим от потребления. Но для потребления товаров и услуг нужны деньги. Я, честно говоря, не знал куда может пойти работать выпускник философского факультета, это меня и спугнуло. Здесь мне на помощь пришли родители, они рассказали мне, что есть такая очень интересная и в то же время перспективная профессия — социолог. Немного подумав, я решил идти именно на эту специальность. Поскольку в КНУ им. Тараса Шевченко раньше всех остальных вузов объявили результаты

конкурсного отбора студентов, вопрос выбора передо мной не стоял. Увидев себя в списке зачисленных, я сразу же отнес оригиналы документов. И вот я здесь.

Вывод

В завершение хотелось бы поговорить о достоверности моего исследования. Я пытался быть максимально объективным, исследуя ключевые моменты собственной социализации, но достаточно ли только этого? Может ли работа, выполненная на основании сугубо умозрительных методов, быть достоверной? Конечно, я использовал эмпирические данные, но дело в том, что это были мои собственные воспоминания, которые за все эти годы могли быть существенно искажены моим сознанием. Кроме того, нельзя не учитывать фактор внесознательного: я могу думать, что определенное явление вызвано одними причинами, а на самом деле — совсем другими. Поскольку я писал о себе, я мог сознательно или бессознательно не учитывать ту информацию, которая может выставить меня в плохом свете. По выражению Э.Дюркгейма:

“У нас есть только один способ доказать, что одно явление служит причиной другого, — это сравнить случаи, когда они одновременно присутствуют или отсутствуют, и посмотреть, свидетельствуют ли изменения, представляемые ими в этих различных комбинациях обстоятельств, о том, что одно зависит от другого” [Дюркгейм, 1995: с. 124].

У меня такой возможности, конечно, нет, ведь я не могу вернуться в прошлое и посмотреть, как там все происходило. Поэтому, учитывая все вышеизложенное, я могу сказать, что моя работа ни в коей мере не претендует на объективность и достоверность, это лишь мое собственное видение процесса своей социализации.

Источники

- Андреева Г.М.* Социальная психология. — М.: Наука, 1994.
- Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. — М.: Издательская группа “Прогресс” “Универс”, 1993.
- Гидденс Э.* Социология. — М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод и назначение. — М.: Канон, 1995.
- Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни // Классики мирового религиоведения: Антология. — М., 1998.
- Кон И.С.* Дружба. — М.: Политиздат, 1987.
- Кон И.С.* Открытие “Я”. — М.: Политиздат, 1978.
- Кон И.С.* Психология ранней юности. — М.: Политиздат, 1989.
- Кон И.С.* Социологическая психология. — М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 1999.
- Краткий словарь по социологии / Под ред. Д.М.Гвишиани, Н.И.Лапина. — М.: Политиздат, 1988.
- Смелзер Н.* Социология. — М.: Феникс, 1998.
- Соціологія / За ред. С.О.Макеєва. — К.: Знання, 2003.
- Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. — М.; Л.: Госоцэкзиз, 1931.
- Якуба О.О.* Соціологія: Навчальний посібник. — Харків, 1999.